

УДК 902.2:736.31(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.06

Е. В. Торопова

ДРЕВНЕРУССКИЕ СВИНЦОВЫЕ ПЛОМБЫ ИЗ РАСКОПОК В СТАРОЙ РУССЕ: ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ*

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот коллекции древнерусских свинцовых пломб («пломб дрогичинского типа») из раскопок в Старой Руссе (летописной Русе) – ближайшего к Новгороду «пригорода» – административного и экономического центра значительного региона, расположенного к югу от озера Ильмень. Установлен археологический контекст, топография и дата каждой находки. Автор отмечает, что столь незначительное количество пломб (семь экземпляров) в таком крупном производственном (солеваренном) и торговом центре XII–XIII вв. как Руса позволяет поставить под сомнение использование пломб для опечатывания связок меховых денег в безмонетный период.

Ключевые слова: Новгородская земля, Старая Русса, древнерусские пломбы, археологический контекст, дендрохронология.

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation the collection of Medieval Russian Dorogichin seals from excavations in Staraya Russa (or Rusa until the 16th century) which used to be the administrative and economic center of the Novgorod Land during the Middle Ages. The archaeological context, topography and date of each find have been discussed. The author notes that a number of Dorogichin seals (seven pieces) in such a large industrial (salt-making) and trading center of XII–XIII c. as Rusa is relatively small. This calls into question the use of Dorogichin seals for sealing bundles of fur money which were spread during the Token Money Period.

Keywords: Novgorod Land, Staraya Russa, Medieval Russian lead seals, Dorogichin seals, archaeological context, dendrochronology.

Древнерусские свинцовые пломбы («пломбы дрогичинского типа») – несмотря на их массовость (около 29 000 находок (Олейников,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00375 «Городская усадьба средневековой Русы: стратиграфия, топография и материальная культура (по материалам новейших археологических исследований)».

Гайдуков, 2018. С. 274)) и более чем полуторавековую историю изучения (Ершевский, 1998. С. 215–222; Перхавко, 2018. С. 213–217), относятся к категории археологических находок, атрибуция, хронология и функциональное назначение которых не установлены до сих пор. В 1970 г. В. Л. Янин во введении к первому тому «Актовых печатей Древней Руси X–XV вв.» отметил, что пломбы «до сих пор не изучены и не систематизированы, а их характеристика сложна <...> Только специальное изучение этих памятников поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси» (Янин, 1970. С. 11). В 1979 г. под его руководством на кафедре археологии МГУ была защищена кандидатская диссертация Б. Д. Ершевского «Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII вв. как источник для политической истории Новгорода» (Ершевский, 1979). Тем не менее, в 1985 году в очерке, посвященном вислым актовым печатям, В. Л. Янин вновь фактически дословно повторяет, что «только специальное изучение этих памятников на основе полного их выявления и общей систематизации поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси» (Древняя Русь, 1985. С. 381). Сегодня исследователи вынуждены констатировать, что вопросы атрибуции, хронологии и выделения функциональных групп древнерусских свинцовых пломб остаются открытыми, хотя произошло значительное увеличение источниковой базы, расширились географические рамки находок (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 274; Перхавко, 2018. С. 249–260). Кроме того, сузился круг их предполагаемого назначения до трех основных групп: 1) привешивание к товарам; 2) удостоверение документов; 3) опломбирование связок меховых денег в безмонетный период (Перхавко, 2018. С. 237–241; Олейников, Гайдуков, 2018. С. 279; Гулецкий, 2018. С. 10).

Несмотря на массовость рассматриваемой категории находок, их информационная ценность несущественна, так как большинство пломб обнаружены вне четкого археологического контекста, без достоверных стратиграфических и хронологических маркеров.

В этой связи первостепенное значение представляют, прежде всего, материалы, обнаруженные в ходе археологических раскопок древнерусских памятников, культурный слой которых позволяет получить надежный топографический и стратиграфический контекст, а хронология предметов в ряде случаев опирается и на надежные дендродаты.

Одним из таких памятников и является Старая Русса. Введению в научный оборот коллекции находок свинцовых пломб из раскопок этого древнерусского города, включающей семь экземпляров, и посвящена данная статья (рис. 1).

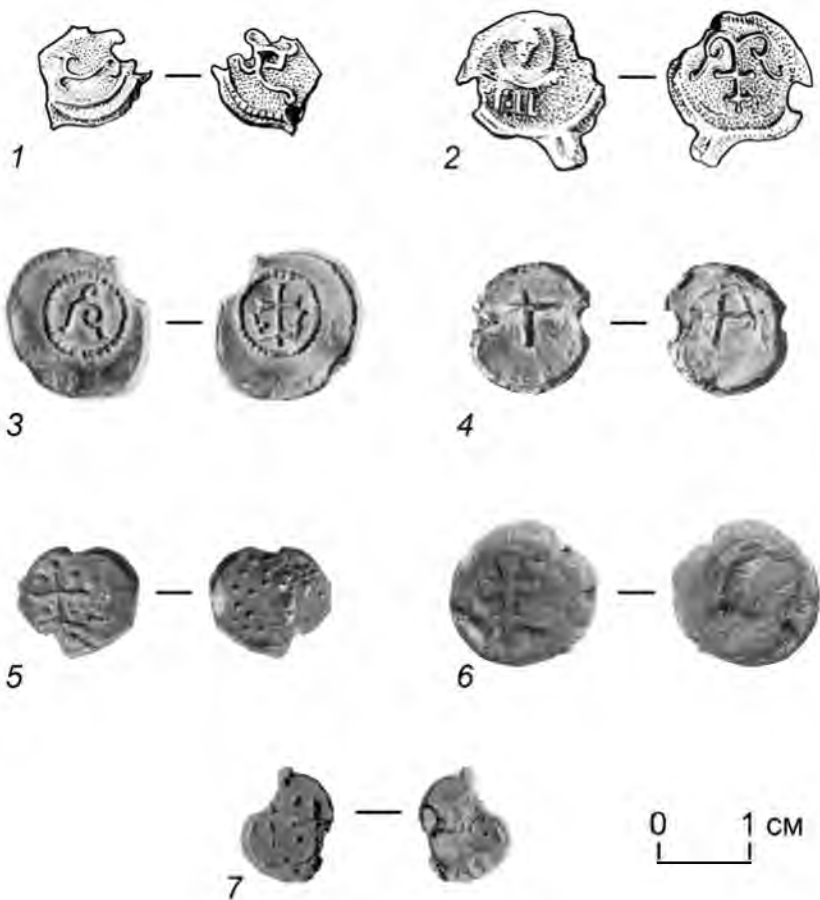

Рис. 1. Древнерусские свинцовые пломбы из раскопок в Старой Руссе:
 1 – раскоп VIII, пласт 10, кв. 21, № 36; 2 – раскоп VIII, пласт 11, кв. 13, № 43;
 3 – раскоп IX, пласт 16, кв. 30, № 6; 4 – раскоп XIII, пласт 14, кв. 103, № 3;
 5 – Пятницкий-I раскоп, пласт 26, кв. 64, № 216; 6 – Пятницкий-I раскоп,
 пласт 26, кв. 75, № 135; 7 – Пятницкий-II раскоп, пл. 17, кв. 114, № 601

Средневековая Руса (с XVI в. – Старая Русса) – ближайший к Новгороду «пригород» – административный и экономический центр значительного региона, расположенного к югу от озера Ильмень. Процветание Старой Руссы, вплоть до XVIII в., базировалось на солеваренном промысле, основанном на использовании открытых источников минеральной воды. Средневековый культурный слой города сохраняет органические материалы, что во много раз увеличивает его информативность. Эталонная дендрохронологическая шкала средневековой Русы, разработанная О. А. Тарабардиной, протяженностью 562 года (870–1431) является надежной хронологической основой для археологического изучения и датирования городских древностей (Тарабардина, 2018. С. 1–6). Данные планомерных археологических раскопок в Старой

Руссе (с 1966 года по настоящее время) свидетельствуют о возникновении здесь поселения на рубеже X–XI вв. Анализ особенностей материальной культуры позволяет утверждать, что с самого начала основными занятиями жителей Русы, помимо солеваренного промысла, были различные ремесла и торговля (Торопова и др., 2015. С. 54; Toropova and others, 2016. С. 261; Торопов и др., 2017. С. 247–268).

Топография и хронология

Древнерусские свинцовые пломбы в ходе раскопок в Старой Руссе обнаружены на пяти участках: 1) раскоп VIII (А. Ф. Медведев, Т. В. Равдина, 1968); 2) раскоп IX (А. Ф. Медведев, Г. Ф. Амелина, 1969); 3) раскоп XIII (А. Ф. Медведев, Г. П. Смирнова, 1972); 4) Пятницкий-I раскоп (Е. В. Торопова, 2002–2012); 5) Пятницкий-II раскоп (Е. В. Торопова, К. Г. Самойлов, работы ведутся с 2013 по наст. время) (рис. 2).

Раскоп VIII площадью 100 кв. м был заложен в 1968 г. за пределами древнейшего ядра города, на участке по адресу: ул. Красных Командиров, д. 3, в нескольких десятках метров к северо-западу от ц. Св. Николая, в 55 метрах от уреза воды правого берега р. Малашка (древнее русло р. Порусья) (рис. 2). Общая мощность культурного слоя – около 3 м. Древнейшие слои, на основании рассмотрения коллекции находок, датированы первой половиной XII в. (Медведев, Равдина, 1976. Л. 21–22). Именно к этому времени по археологическим данным относится начало освоения левого и правого берегов Малашки (Торопова и др., 2013. С. 264–271). В раскопе VIII обнаружены две древнерусские свинцовые пломбы (Медведев, Равдина, 1976. Л. 11–12) (рис. 1: 1, 2; 3).

Первая из них найдена на глубине -180/-200 см (пласт 10, квадрат 21, № 36, размеры: 11×12 мм) (рис. 1: 1; 2: 1) в непо потревоженном слое, который охарактеризован как темно-коричневая земля со щепой, навозом, древесным тленом и угольками. Сооружения на этом стратиграфическом горизонте не выявлены. С большой долей вероятности можно утверждать, что пломба обнаружена в хозяйственной части усадьбы. В соседнем, 22 квадрате, зафиксированы зерна проса, а в слое щепы – обрывки и обрезки кожи (Медведев, Равдина, 1976. Л. 10). Этот экземпляр подробно описан в диссертационном исследовании Б. Д. Ершевского: «Л. с. [лицевая сторона. – *Е. Т.*] Знак колоколовидной формы в виде двузубца. Левый зубец изогнут влево и имеет отрог вовнутрь. Правый утрачен. В основании знака, вероятно, отрог в форме «ласточкиного хвоста. О. с. [оборотная сторона. – *Е. Т.*] Знак колоколовидной формы в виде двузубца. Зубцы изогнуты наружу. Левый зубец имеет отрог вовнутрь. Отрог в основании знака утрачен» (Ершевский, 1979. С. 212, № 245). Пломба отнесена им к типу IV (Ершевский, 1978. С. 243).

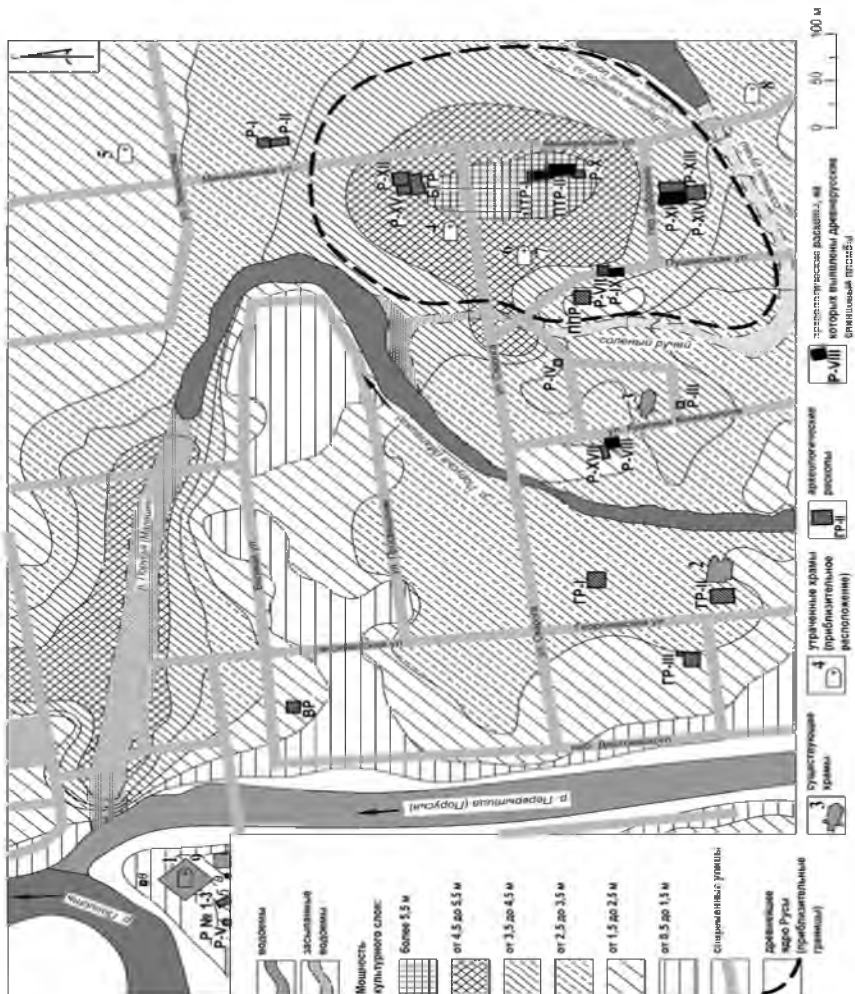

Рис. 2. Древнейшее ядро средневековой Руси. Схема мощности культурных напластований и расположения археологических раскопов

Археологические раскопы: **Р № 1-3** – раскопы № 1, № 2, № 3 (1939); **Р-I** – Раскоп I (1966–1967); **Р-II** – Раскоп II (1967); **Р-III** – Раскоп III (1967); **Р-IV** – Раскоп IV (1967); **Р-V** – Раскоп V (1967); **Р-VII** – Раскоп VII (1967–1968); **Р-VIII** – Раскоп VIII (1968); **Р-IX** – Раскоп IX (1969); **Р-X** – Раскоп X (1969–1970); **Р-XI** – Раскоп XI (1970–1971); **Р-XII** – Раскоп XII (1971–1974); **Р-XIII** – Раскоп XIII (1972); **Р-XIV** – Раскоп XIV (1976–1977); **Р-XV** – Раскоп XV (1978–1987); **Р-XVII** – Раскоп XVII (1990); **БГР** – Борисоглебский (XVI) раскоп (1988–2001); **ПТР-I** – Пятницкий-I раскоп (2002–2012); **ГР-I** – Георгиевский-I раскоп (2002); **ГР-II** – Георгиевский-II раскоп (2006); **ПТР-II** – Пятницкий-II раскоп (начат в 2013); **ВР** – Великий раскоп (2018)

Существующие храмы: 1 – Воскресенский собор; 2 – церкви св. Георгия и Благовещения; 3 – ц. св. Николая

Утраченные храмы: 4 – собор св. Бориса и Глеба; 5 – ц. Ильи Пророка и ц. Архангела Михаила; 6 – ц. св. Параскевы Пятницы; 7 – ц. св. Петра и Павла; 8 – ц. св. Анастасии; 9 – церкви Иоанна Предтечи и Покрова Богородицы

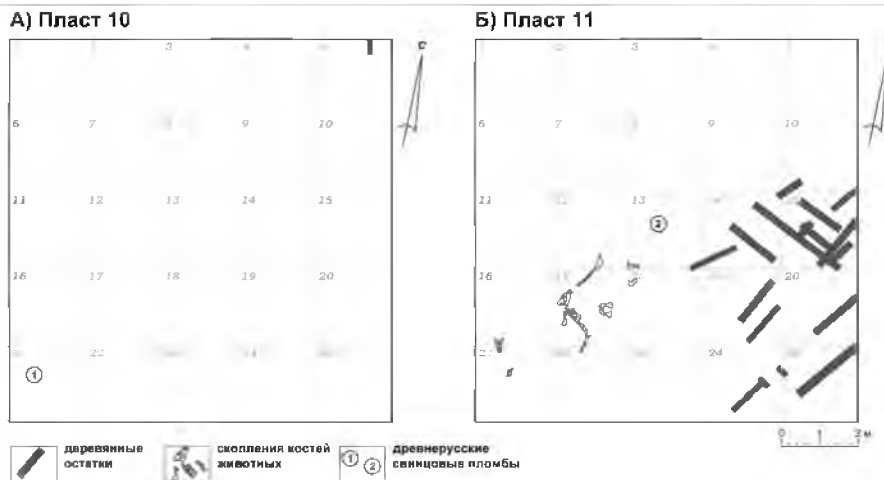

Рис. 3. Старая Русса. Раскоп VIII (А. Ф. Медведев, 1968).

Контекст находок древнерусских свинцовых пlectров: А) пласт 10; Б) пласт 11.

Древнерусские свинцовые пlectровы: 1 – пласт 10, кв. 21, № 36;

2 – раскоп VIII, пласт 11, кв. 13, № 43

Вторая пlectра была обнаружена на глубине -209 см на расстоянии около шести метров к северо-востоку от первой находки (пласт 11, квадрат 13, № 43, размеры: 14×17 мм) (рис. 1: 2; 3: 2). Это также хозяйственная зона дворовладения, на которой отсутствует застройка, а стратиграфия представлена коричневым слоем со щепой, навозом и вкраплениями глины и песка. Кроме того, в отчете отмечено расположенное в непосредственной близости скопление костей: череп и части скелетов лошади и крупного рогатого скота, три черепа собак и позвоночный столб собаки (Медведев, Равдина, 1976. Л. 13–14, 16). Эта пlectра также подробно описана в диссертационном исследовании Б. Д. Ершевского, который соотносил данный тип с новгородскими посадниками начала XII – первой трети XIII в. (тип II): «Л. с. Погрудное изображение святого. Вокруг головы линейный нимб. Хорошо видны детали одежды. Пантелеймон. О. с. Процветший шестиконечный крест. Вокруг линейный ободок. Диамет. – 14–17 мм» (Ершевский, 1979. С. 193, № 142; Ершевский, 1978. С. 243).

Переходя к анализу контекста находок из раскопа VIII, следует сказать несколько слов об уровне отчетной документации. Прежде всего, отчет о раскопках 1968 г. был написан только в 1976 г., что в значительной степени снижает его достоверность. Непонятны критерии отбора индивидуальных находок в процессе раскопок: преобладают находки из стекла (бусы и браслеты), находки из других материалов единичные. Описание обстоятельств обнаружения пlectров, представленное в отчете, убедительно показывает, что обе пlectровы обнаружены в хозяйственной части усадьбы в непо потревоженном анаэробном культурном

слое, в непосредственной близости друг от друга. Интерпретация функционального назначения этих находок авторами раскопок основывается, прежде всего, на гипотезе В. Л. Янина, предположившего, что они могли употребляться для удостоверения документов, не исключая при этом, что какая-то часть могла использоваться для товарно-денежного обращения в безмонетный период (Янин, 1970. С 11; Медведев, Равдина, 1976. Л. 11, 14). Авторы отчета, А. Ф. Медведев и Т. В. Равдина, датировали пласты раскопа по соотношению количества найденных стеклянных браслетов (Медведев, Равдина, 1976. Л. 22). Согласно этой хронологии, первая пломба (№ 36) залегала в слоях конца XII – начала XIII в., а вторая (№ 43) – в напластованиях второй половины XII в. Б. Д. Ершевский при описании последней отмечал, что, по сообщению А. Ф. Медведева, стратиграфическая дата этой пломбы – конец XII – начало XIII в. (Ершевский, 1979. С. 80).

Таким образом, очевидно, что пломбы обнаружены в раскопе VIII в схожем стратиграфическом контексте, в хозяйственной зоне усадьбы, в культурных напластованиях, датирующихся второй половиной XII – началом XIII в. С большой долей вероятности можно предположить, что они отложились в культурном слое приблизительно одновременно. Стратиграфический контекст не позволяет определить функциональное назначение этих находок.

Раскопы IX, XIII, Пятницкий-I и Пятницкий-II расположены в историческом ядре города (площадью 6–8 га), ограниченном с восточной стороны солеными озерами (территория современного курорта), а с запада и юга – руслом несуществующего ныне соленого ручья, протекавшего несколько восточнее ц. Св. Николая (рис. 2). Освоение этой части средневековой Русы по археологическим данным датируется рубежом X–XI вв. Мощность культурного слоя достигает здесь максимального значения – шесть метров (Самойлов и др., 2012. С. 178–192; Тогорова, 2014. С. 294).

Раскоп IX площадью 72 кв. м был заложен в 1969 г. на проезжей части Пушкинской улицы, напротив дома № 3 (своей северной оконечностью примыкает к южной стенке раскопа VII) (рис. 2). Общая мощность культурного слоя – 4,2 м. Древнейшие слои датированы авторами раскопок концом X – началом XI в. (Медведев, Амелина, 1976). В южной части исследованной усадьбы на глубине -303 см в темно-коричневом слое с примесью щепы и навоза, датированном авторами раскопок началом XII в. (дендродаты отсутствуют), была обнаружена свинцовая пломба (пласт 16, квадрат 30, № 6, размеры: 16×18 мм) (рис. 1: 3; 4). Описание данной находки (которую А. Ф. Медведев определяет как печать) в отчете отсутствует. Остатков сооружений не зафиксировано, вероятнее всего в пределы раскопа попала хозяйственная зона усадьбы (Медведев, Амелина, 1976. Л. 25–26). Состав вещевой коллекции не позволяет установить социальный статус владельцев, это обычный повседневный набор предметов, характерный для древнерус-

ского города. Из уникальных находок, характеризующих данное дворовладение, стоит упомянуть, найденный в этом же квадрате, но на век позже (в слоях первой половины XIII в.), фрагмент прекрасно сохранившегося деревянного креста с образом Распятия с предстоящими, относимого специалистами к предметам личного благочестия высокого художественного уровня (Мусин и др., 2004. С. 619–627).

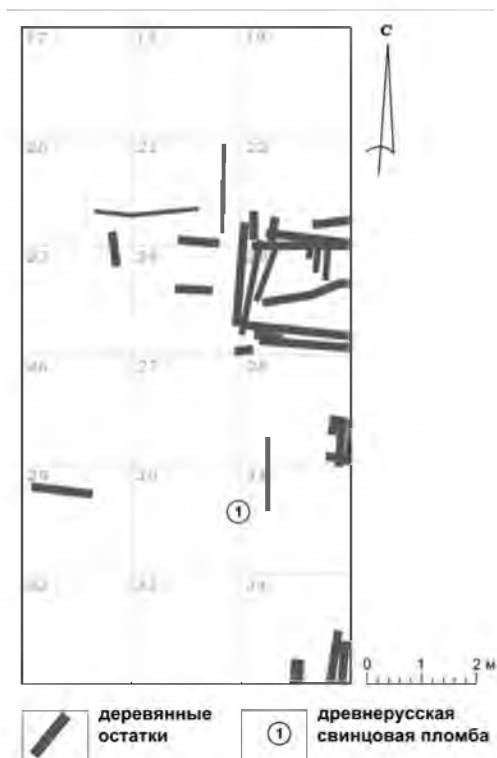

Рис. 4. Старая Русса.
Раскоп IX (А. Ф. Медведев,
1969). Контекст находки
древнерусской свинцовой
пломбы (пласт 16,
кв. 30, № 6)

Пломба из раскопа IX была опубликована и описана Г. И. Матюшкиной: «л. с. княжеский знак в виде двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогом внутрь на левом зубце, вокруг точечный ободок. О. с. процветший шестиконечный (четырёхконечный. – *Е. Т.*) крест, вокруг точечный ободок». Автор интерпретировала эту находку как печать, но при этом отметила, что данных для определения какого-либо института государственной власти недостаточно. По мнению Г. И. Матюшкиной, она может быть датирована XII – началом XIII в. (Матюшкина, 1976. С. 66–67: 26). Б. Д. Ершевский считал её малой печатью представителей княжеской администрации, связанных с судопроизводством вне Новгорода (Ершевский, 1979. С. 147–148). Как печать с изображением княжеской тамги она была внесена в третий том «Актовых печатей Древней Руси X–XV вв.» (Янин, Гайдуков, 1998. С. 151, 272, 366; № 299а). При внимательном рассмотрении этой наход-

ки, очевидно, что размер отпечатков с обеих сторон (ок. 0,9 см) соответствует пломбам, при этом в качестве основы для оттиска, очевидно, была использована свинцовая заготовка печати.

По нашему мнению, княжеский знак (колоколовидных очертаний), оттиснутый на лицевой стороне пломбы, по форме близок к изображениям тамги Ростислава Мстиславовича, который княжил в Новгороде в 1154 и в 1157–1158 гг. Близкой аналогией является знак на валуне, найденный при раскопках Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске (Михеев, 2017. С. 25–27: рис. 8). Это позволяет сузить датировку рассматриваемой пломбы до второй половины XII в.

Раскоп XIII площадью 196 кв. м был заложен в 1972 г. во дворе дома № 71 по Минеральной улице, вплотную к восточной границе раскопа XI и являлся его продолжением. В 1976 г. к южным границам обоих раскопов прирезан раскоп XIV (рис. 2). Все это позволило в значительной степени исследовать комплекс богатой «боярской» усадьбы (изученная часть имеет площадь около 500 кв. м). По мнению А. Ф. Медведева, на протяжении XI–XV вв. (в другой публикации – XI–XIII вв.) ей владел боярский род, богатство и власть в котором передавалась по наследству из поколения в поколение (Медведев, Смирнова, 1972; Медведев, 1973. С. 25–26; Медведев, 1978. С. 23). Автор раскопок отмечал, что в течение XII в. общая планировка внутри усадьбы оставалась неизменной. В северной части был размещен въезд, в центре – большой жилой дом. В южной зоне располагались различные хозяйственные сооружения. В пласте 14 (на глубине -260/-280 см), на примыкающем к восточной границе усадьбы участке, между двумя солеваренными печами, в слое обожженной глины с включениями отходов солеварения и углей, была обнаружена свинцовая пломба (квадрат 103, № 3, размеры: 13×15 мм) (рис. 1: 4). На её лицевой стороне изображен буквенный знак, а на оборотной – четырехконечный крест. А. Ф. Медведев интерпретировал данную находку как торговую пломбу (Медведев, 1973. С. 26).

Противоречивость отчетной документации не позволяет однозначно датировать интересующую нас свинцовую пломбу. Автор раскопок в публикации относил эту пломбу к первой половине XII в. (Медведев, 1973. С. 26). К сожалению, отсутствуют дендродаты (в отчете нет упоминаний об отборе дендробразцов, что весьма странно, учитывая хорошую сохранность строительной древесины), все датировки основываются на анализе керамического материала и вещевой коллекции. Вместе с тем, согласно отчетным материалам, солеваренные печи, с комплексом которых связана находка, были отнесены А. Ф. Медведевым к ярусу 9. При этом, проведенный нами анализ чертежной документации позволяет с большой степенью уверенности (с учетом уклона дневной поверхности) отнести данные печи к нижележащему ярусу 10 (рис. 5А). С этим же стратиграфическим горизонтом могут быть соотнесены находки двух берестяных грамот № 4 и № 8. Последняя была

выявлена на расстоянии около двух метров к северо-западу от пломбы, у западной стенки северного сруба солеваренной печи. Это фрагмент письма, в котором содержатся указания женщине. Перевод: «...подкладка с узором из крупных звезд, желтое. Если же ты продала, то отдай этому детскому (судебному исполнителю) [такую-то сумму], а если не продала, то ... (возможно: отрежь ...)» (Зализняк, 2004. С. 328). Документ датирован на основании стратиграфических данных первой половиной XII в., но предложена и т. наз. условная дата 1140–1160 гг. (ДБГ, 2020). У юго-западного угла большого жилого сруба, относящегося к этому же ярусу 10 (сруб № 13), были обнаружены фрагменты золотных лент и шелковой ткани (самит) с золотной вышивкой, представляющие собой очень дорогой товар, привезенный, по мнению исследователей, скорее всего из Византии (Орфинская и др., 2017. С. 127–143). В заполнении данной постройки найдена печать Мстислава Юрьевича, который княжил в Новгороде в 1155–1157 гг. Следовательно, свинцовая пломба, залегавшая, по нашему мнению, в напластованиях яруса 10, могла отложиться в культурном слое не ранее третьей четверти XII в.

Рис. 5. Старая Русса. Раскопы XI, XIII, XIV (А. Ф. Медведев, 1970–1972, 1976–1977). Реконструкция контекста находки древнерусской свинцовой пломбы (раскоп XIII, пласт 14, кв. 103, № 3): А) ярус 10 (середина – третья четверть XII в. (?)); Б) ярус 11 (первая половина XII в. (?))

Дополнительную информацию относительно статуса владельцев усадьбы дает рассмотрение комплекса нижележащего яруса 11 (датирующегося первой половиной XII в.) (рис. 5Б). С большой долей вероятности, к нему могут быть отнесены берестяные грамоты №№ 5, 6, 7, 9, которые, так или иначе, связаны с денежными делами или с исполнением судопроизводства. В одной из них (№ 6) фигурирует возможный владелец этой усадьбы – Демьян (Зализняк, 2004. С. 329–331, 342).

Из этих же напластований происходит и орнаментированная бронзовая чаша, изготовленная, очевидно, в мастерских бассейнов Рейна и Мааса (Торопова, 2015). Все эти находки бесспорно свидетельствуют о высоком социальном и имущественном положении владельцев усадьбы.

Две пломбы были обнаружены на **Пятницком-I раскопе**, расположенном по адресу: Минеральная улица, д. 65 (рис. 2). Исследования на раскопе велись в 2002–2012 гг. Пломбы были найдены в 2012 г. в сопредельных квадратах пласта 26 (соответственно, квадрат 64, № 216 (размеры: 12×13 мм) и квадрат 75, № 135 (размер: ок. 16 мм)) (рис. 1: 5 и 6), в напластованиях, соотносимых с ярусом XVI усадьбы «А» (рис. 6). На обеих пломбах на лицевой стороне погрудное изображение святого, а на оборотной стороне шестиконечный крест (в первом случае – процветший).

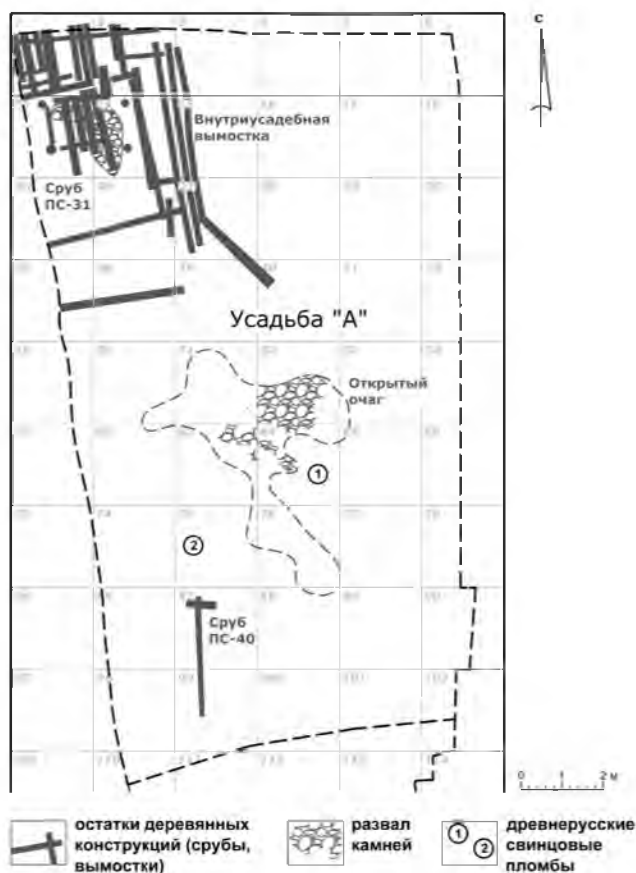

Рис. 6. Старая Русса. Пятницкий-I раскоп (Е. В. Торопова, 2002–2012).

Контекст находок древнерусских свинцовых пломб.

Ярус XVI (середина 1110-х – середина 1130-х гг.)

Древнерусские свинцовые пломбы: 1 – пласт 26, кв. 64, № 216;

2 – пласт 26, кв. 75, № 135

Усадебная застройка яруса XVI была датирована при помощи дендрохронологии серединой 1110-х – серединой 1130-х гг. (Торопова и др., 2013. С. 82–85). В раскопе изучена большая часть усадьбы, жилой дом (ПС-31) которой располагался в её северо-западной части. С севера и востока он был окружен внутриусадебной вымосткой. В центральной части усадьбы отмечен развал открытого очага, в южной – остатки небольшого хозяйственного сооружения ПС-40. Обе рассматриваемые пломбы обнаружены в хозяйственной зоне дворовладения, в непосредственной близости от развала открытого очага, в слое, синхронном его существованию. Следует отметить, что данный усадебный комплекс в первой половине XII в. нельзя считать рядовым. С вышележащими ярусами XIV–XV (вторая треть XII вв.) связана яркая коллекция находок, включающая уникальный амулет-змеевик с изображением Св. Космы и Дамиана, заготовку вислой свинцовой печати, гальку с прочерченным изображением Богородицы, а также репрезентативный ряд предметов личного благочестия, фрагменты воска и т. п. С учетом наличия в заполнении одного из срубов (ПС-29) скорлупы от пасхальных крашенных яиц и очень большого количества рыбьих костей в составе массового материала, это, в порядке рабочей гипотезы, позволяет связывать жителей усадьбы с клиром одной из церквей Русы. Фрагменты шелка (возможно, южно-европейского производства), кожаные туфли западноевропейского покроя свидетельствуют о возможных европейских контактах (Торопова и др., 2012. С. 113–127).

Еще одна древнерусская пломба была обнаружена на усадьбе «Б» **Пятницкого-II раскопа**, который с юга и востока примыкает к Пятницкому-I, соединяя его с раскопом X (А. Ф. Медведев и Г. П. Смирновой, 1969–1970). Исследования на раскопе ведутся с 2013 г. (рис. 2). Пломба была найдена в пласте 17 (квадрат 114, № 601, размеры: 13×10 мм) (рис. 1: 7). На лицевой стороне изображение неразборчивое (возможно, княжеский знак), на оборотной стороне помещен четырехконечный крест (процветший?). Пломба была обнаружена в заполнении сруба ПС-16, относящегося к ярусу VII, который на основании дендродат, входящих в него сооружений, был датирован первой половиной 1270-х – серединой 1290-х гг. (Самойлов и др., 2019) (рис. 7). Сруб ПС-16, расположенный в северной части усадьбы, представлял собой крупный жилой дом (двухкамерный пятистенок) с печью в юго-западном углу и внутренними размерами 5,1×7,1 м, погибший в пожаре. В его заполнении обнаружена представительная коллекция индивидуальных находок, значительную часть которых составляли ювелирные изделия (в некоторых случаях поврежденные или сломанные, на части изделий не срезаны литники и облой). Здесь же найдены фрагменты, детали и заготовки деталей сосудов, проволока и пластины из медных сплавов, а также выплески. Контекст этих находок позволяет осторожно предположить, что в срубе ПС-16 (возможно, в его отапливаемом подклете) зафиксированы следы производства изделий из цветных металлов. Если это так, то

рассматриваемая пломба могла оказаться в срубе в качестве сырья для переплавки. Аналогичным образом сюда мог попасть и фрагмент (щиток) перстня с изображением княжеского знака – двузубца прямоугольных очертаний с внутренним отрогом-завитком на левом зубце и треугольным отрогом в основании (пласт 17, квадрат 127, № 318). Этот знак очень похож на изображения на буллах, которые С. М. Михеев идентифицирует как печати Юрия Долгорукого (Михеев, 2017. С. 22–23). Данные сведения позволяют предположить, что археологический контекст обнаружения перстня свидетельствует лишь о времени его выпадения в культурный слой в качестве сырья при гибели сруба ПС-16 в середине 90-х гг. XIII в., а сама находка, вероятнее всего, должна быть датирована более ранним временем – вероятнее всего, второй-третьей четвертью XII в. Аналогичный механизм археологизации, судя по всему, можно предполагать и для рассматриваемой пломбы. Её обнаружение в напластованиях яруса VII не может рассматриваться как свидетельство бытования древнерусских пломб в последней четверти XIII в.

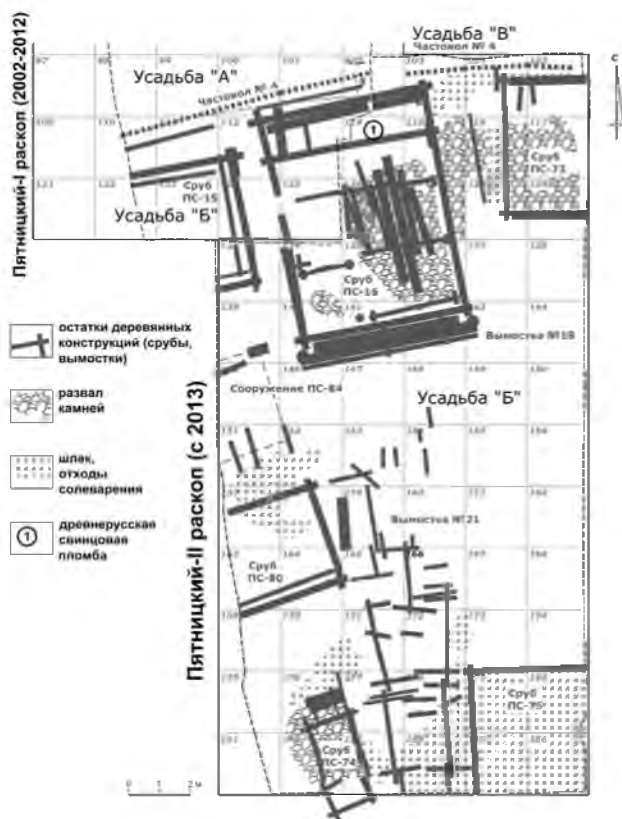

Рис. 7. Старая Русса. Пятницкий-II раскоп (Е. В. Торопова, К. Г. Самойлов с 2013). Контекст находки древнерусской свинцовой пломбы (пласт 17, кв. 114. № 601). Ярус VII (первая половина 1270-х – середина 1290-х гг.)

Выводы

Таким образом, в Старой Руссе при археологических раскопках обнаружено семь древнерусских свинцовых пломб. Две из них (найденные на Пятницком-II раскопе) имеют подтвержденные дендрохронологией узкие даты (середина 1110-х – середина 1130-х гг.) и могут быть связаны с конкретным периодом бытования усадьбы, с которой они происходят. Пломбы из раскопок А. Ф. Медведева имеют широкие датировки, которые в целом укладываются в промежуток с XII по начало XIII в., что не противоречит общепринятой хронологии этой категории предметов. Археологический контекст позволяет констатировать, насколько об этом позволяет судить имеющийся материал, что пломбы выявлены на усадьбах различного социального облика. Общим для всех находок является то, что все они обнаружены в хозяйственных зонах дворовладений. Найденная на Пятницком-II раскопе пломба не укладывается в общую схему, но археологический контекст позволяет обоснованно допустить, что время ее бытования не связано с усадебной застройкой яруса VII (первая половина 1270-х – середина 1290-х гг.), а относится к более раннему времени.

Как упоминалось выше в настоящее время большинство исследователей выделяет три основные функциональные группы пломб: 1) привешивание к товарам; 2) удостоверение документов; 3) опломбирование связок меховых денег в безмонетный период. Анализ старорусских находок не позволяет бесспорно отнести их ни к одной из них. Тем не менее, следует отметить факт, который представляется важным. На наш взгляд, контекст обнаружения старорусских находок позволяет поставить под сомнение использование пломб для опечатывания связок меховых денег в безмонетный период. В противном случае, для такого крупного производственного (солеварение) и торгового центра XII–XIII вв. как Руса, можно было бы ожидать обнаружения гораздо большего количества пломб и более равномерного их распределения на участках раскопов, где были исследованы напластования XII – начала XIII в. Единичные находки пломб в Старой Руссе связаны, вероятнее всего, с поступлением на эти усадьбы какого-то товара. По мнению П. Г. Гайдукова и О. М. Олейникова, таким товаром в первую очередь могли быть меха пушных животных, поступавшие в Новгород с северных территорий (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 279). Археологические исследования в Новгороде, значительно пополнившие коллекцию находок древнерусских пломб (особенно в последние годы (Олейников, Гайдуков, 2018. С. 302), также указывают на то, что пломбы даже между состоятельными усадьбами распределены неравномерно. Это позволяет исключить обслуживание товарно-денежного обращения в безмонетный период из круга возможных интерпретаций рассматриваемой категории находок.

Дальнейшее накопление и систематизация материалов, имеющих подробный и достоверный археологический контекст, возможно, позволит расширить наши представления о рассматриваемой категории находок.

Литература

Гулецкий Д. В. Древнерусские свинцовые пломбы как нумизматический источник домонгольского периода // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М.: РИА Внешторгиздат, 2018.

ДБГ, 2020 – Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/staraya-russa/8/> (дата обращения: 20.10.2020).

Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985.

Ершевский Б. Д. Древнейшие печати новгородских посадников (1096–1117 гг.) // Советская археология. 1978. № 2.

Ершевский Б. Д. Новгородские свинцовые пломбы конца XI – первой трети XIII вв. как источник для политической истории Новгорода: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.

Ершевский Б. Д. Историография дрогичинских пломб (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество. Экономика. Культура и искусство славян. М.: Эди-ториал УРСС, 1998.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Матюшкина Г. И. Новые находки вислых печатей из раскопок 1970–1973 гг. // Вестник Московского университета. 1976. № 1.

Медведев А. Ф. Раскопки в Старой Руссе // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973.

Медведев А. Ф. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978.

Медведев А. Ф., Амелина Г. Ф. Отчет о раскопках в городе Старой Руссе в 1969 году. Москва, 1976 год // Научный архив Центра археологических исследований НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67. 32 л.

Медведев А. Ф., Равдина Т. В. Отчет о раскопках в Старой Руссе в 1968 г. Раскоп VIII на улице Красных Командиров. Москва, 1976 год // Научный архив Центра археологических исследований НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60.

Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Отчет об археологических раскопках в г. Старой Руссе в 1972 г. Раскоп XIII // Научный архив Центра археологических исследований НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28.

Михеев С. М. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70).

Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Распятие с предстоящими из археологических находок в Старой Руссе – уникальный памятник древнерусской иконописи первой половины XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 2003. М.: Наука, 2004.

Олейников О. М., Гайдуков П. Г. Древнерусские пломбы и торгово-хозяйственные связи Новгорода с восточными районами Новгородской земли (по материалам Лукинского-2 раскопа 2012 г.) // Археология Севера России:

Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. / отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут, Нефтеюганск, Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I: Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири.

Орфинская О. В., Чуткина С. С., Титова Л. А. Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966–1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С.127–143. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20642.html (дата обращения: 26.10.2020).

Перхавко В. Б. Торговля и торговцы средневековой Руси. М.: Академический проект, 2018.

Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Воронков И. А. К вопросу о локализации древнейшего ядра Старой Руссы (относительно гипотезы Я. Е. Водарского и К. А. Аверьянова) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности. Великий Новгород, 24–26 января 2012 г. Великий Новгород, 2012. Вып. 26.

Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Торопов С. Е., Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., Карпова Т. В., Сьюбаров В. Ю., Юсифова А. А. Средневековая усадьба «Б» на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса (предварительные итоги археологических исследований 2019 г.) [Электронный ресурс] // Ученые записки НовГУ. 2019. № 6 (24). URL: <https://www.novsu.ru/file/1575257> (дата обращения: 01.10.2020).

Тарабардина О. А. Дендрохронология средневековой Руси в XXI веке // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6 (18). С. 1–6. URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1482823> (дата обращения: 01.10.2020).

Торопов С., Торопова Е., Самойлов К. Старая Русса – далекий «близкий родственник» Gródu na Ostrówku // Kwartalnik Opolski. 2017. Вып. 2/3.

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Работы Старорусской археологической экспедиции НовГУ в 2011 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2012. Вып. 26.

Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П. Освоение левобережья р. Порусья (Малашки) в Старой Руссе по данным археологии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: материалы LVIII заседания. Псков, 2013.

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Исследование древнейших культурных напластований на Пятницком-I раскопе в Старой Руссе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Великий Новгород, 22–24 января 2013 г. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.

Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г. Древнейшая история Старой Руссы по археологическим данным // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: [б. и.], 2015. Вып. 16 (26).

Торопова Е. В. Романские бронзовые сосуды XII в. на территории Новгородской земли // Археологические вести. 2015. Вып. 20.

Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970.

Янин В. Л., Гайдук П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: ИНТРАДА. 1998. Т. III.